

кинофестиваль

“Я не вылезал из постели четыре месяца”

Хавьер Бардем — Газете

На сегодняшний день безусловным претендентом на приз Венецианского фестиваля за лучшую мужскую роль — «Капа Вольпи» — оказался Хавьер Бардем. Знаменитый испанский артист вновь доказал свои незаурядные способности, сыграв в фильме Алехандро Аменабара «Море внутри» шестидесятилетнего паралитика, сражающегося за право умереть. Об эвтаназии и актерской профессии с Хавьером Бардемом поговорил Антон Долин.

Кому пришла в голову такая странная идея — пригласить вас, с вашей внешностью, в вашем возрасте, сыграть пожилого парализованного борца за эвтаназию? Режиссеру Алехандро Аменабара. Он пробыл на роль и других актеров, 55—60 лет, но, кажется, ни один ему не подошел. И он взял меня. Может, дело в том, что мы оба молоды и нам проще находить общий язык.

И что вы подумали, когда получили приглашение?

Я подумал, что это отличная идея. Алехандро, с моей точки зрения, сегодня является одним из самых интересных режиссеров в мире, и мне давным-давно хотелось с ним поработать. Его молодость и способность рассказывать увлекательные истории, а заодно самому писать музыку, самому монтировать, сводить все воедино меня просто восхищают. Но совсем другой вопрос — на что ты способен, а на что нет. Я не был уверен в своих возможностях. Однако я прочитал книгу, написанную главным героем фильма — Рамоном Сампедро, — посмотрел документальные фильмы о нем и почувствовал, что буквально инфицирован, что теперь по-настоящему хочу пойти на этот риск. Хотя, признаюсь, мне было неуютно играть шестидесятилетнего героя, когда в Испании так много поразительных актеров в этом возрасте. Насколько болезненным было вхождение в роль человека, прикованного к постели, мечтающего лишь о смерти?

Совсем не болезненным. Сперва я боялся работать над характером героя, потому что мне казалось, что ощущение будет по меньшей мере очень печальным. Но потом я начал смотреть видео, читать его книги и вдруг осознал, насколько светлым человеком был Рамон. Он был полон желания жить и любить. Эта роль доставила мне лишь радость и научила тому, как примириться с идеей смерти, как любить человека, если ты даже не надеешься им обладать физически. Я предполагал, что мне предстоит сыграть того, чья вселенная полна боли и страдания, но в итоге пришел к противоположному результату.

Ваша жизнь изменилась после этого фильма?

В каком-то смысле да. Я осознал, что смерть тоже может быть естественной, что она не обязательно полна драматизма и травматизма. Лично я боюсь смерти, еще больше боюсь боли. Тем не менее надо отдавать себе отчет: их не избежать. Мой отец умер восемь лет назад; для меня стало удивительным открытием то, что все мы смертны, что всех нас ждет один конец. Хотя я был не так уж юн — 27 лет.

Что вы думаете о легализации эвтаназии, согласны ли вы со своим героем?

Деликатный предмет... Я не слишком хорошо в этом разбираюсь, но понимаю, что случаев так же много, как людей, и каждый надо рассматривать индивидуально. Экспертом себя не считаю, я не доктор и не юрист. Что касается главного противника эвтаназии — церкви, то я уверен, что католическая церковь — самая экстремистская, радикальная, жестокая и фашистская организация из существующих на земле.

Она построена не на вере, а на страхе и тотальном контроле. Я уважаю веру, но не уважаю институт церкви! О чем я говорил, собственно? Стоит вспомнить о церкви, и всегда выхожу из себя...

Мы говорили об эвтаназии.

Ах, да. Так вот, в случае Рамона Сампедро, который долгие годы размышлял и спорил сам с собой, который по-настоящему желал смерти, я бы не сомневался в обоснованности эвтаназии. Я бы сам ему помог, если бы меня попросили. Проблема в том, что впоследствии меня бы посадили в тюрьму. «Море внутри» задает один вопрос: способны ли вы полюбить настолько сильно, чтобы убить любимого? Когда мы снимали фильм, случилась эта ужасная история в Париже, с больным мальчиком, который хотел умереть, и его собственная мать была готова ему помочь, и врач исполнил их волю... за что его посадили в тюрьму. Наши законы и есть настоящее преступление против человеческого достоинства, против каждого. Впрочем, возможны и иные случаи — к примеру, старый миллионер, от которого хочет избавиться его наследник-племянник. Сложных ситуаций полным-полно, но ситуация Рамона к таким не относится. Я бы сам взял пистолет и выстрелил ему в голову.

В одних фильмах вы играете спокойного, умиротворенного человека, а в других — нервного, почти невменяемого. Какой вариант точнее передает ваш собственный характер?

Боюсь, что второй. Я ужасно беспокойный человек, по ночам спать не могу, в теле что-то пульсирует и не дает расслабиться. Когда я играю такие роли, как в «Море внутри», то просто блокирую какие-то из своих качеств. Играть здесь было сложно, но не в физическом смысле. Я вообще не понимаю, когда актер жалуется на тяжелую роль. У нас профессия такая! Ненавижу актеров, которые превращают свою работу в миф и якобы несут весь фильм на себе. Однако не так-то просто прятать присущую тебе от природы энергию, исполняя роль прикованного к постели больного.

Но физически-то тоже наверняка приходилось непросто.

Представьте, на вечеринке по случаю завершения съемок я буквально падал с ног — не в каком-то метафорическом смысле, а по-настоящему! А все там танцевали и веселились, и мне осталось только напиться. Вы только подумайте: я не вылезал из постели ежедневно на протяжении пяти часов грима, десять часов съемак и пяти-шести часов сна у себя дома. И так на протяжении четырех месяцев. У меня был единственный выходной в неделю — воскресенье, и в этот день я тоже оставался в постели. Чтобы не выходить из роли и почувствовать, каково это — не быть в состоянии побегать, искупаться или заняться спортом, когда хочется выплеснуть энергию. Мне приходилось нелегко, но для роли этот тренинг оказался полезным. Рамон лежал в постели не несколько месяцев, а тридцать лет.

Я слышал, что существует видеозапись, сделанная самим Рамоном, на которой запечатлены пятнадцать минут предсмертной агонии...

Хавьер Бардем: «Не так-то просто прятать присущую тебе от природы энергию, исполняя роль прикованного к постели больного»

Сорок, а не пятнадцать. Я видел эту запись. Рамон пил яд, глядя в камеру, и обвинял те организации — в том числе церковь и всю государственную систему, — которые мешали ему умереть. Эту пленку после его смерти послали на телевидение. Там показали, впрочем, только первые секунды, где он пьет смертоносное снадобье. Но и они производили сильное впечатление. Сцену смерти мы фактически скопировали в нашем фильме. А всю пленку я посмотрел только в самом конце съемок, когда дело дошло до ключевого эпизода. Посмотрел ее еще раз, потом еще... я видел ее раз двенадцать. В итоге получилась десятиминутная сцена, которую мы урезали до четырех минут.

Вы встречались со всеми членами семьи Рамона?

Да — с братом, невесткой и племянниками. Особенно много времени мы провели с невесткой. Она была при Рамоне двадцать четыре часа в сутки. Такой человек, как он, нуждается, чтобы его тело передвигали каждые три часа. Я разговаривал с профессиональными сестрами и сиделками в больницах, и все они были восхищены тем, как себя вела невестка Рамона. Она просыпалась каждые три часа на протяжении тридцати лет... Это и есть подлинная любовь. Пусть даже за это время ты можешь возненавидеть того, кого ты любишь и за кем ухаживаешь. Я спросил ее об этом, и она ответила: «Я всего лишь хотела, чтобы он оставался в живых. Когда я поняла, что он желает не жить, а умереть, то хотела помочь и в этом. Но не могла, ведь за это меня бы отправили за решетку».

Что женщин так привлекало в Рамоне? Или тут все дело в вашем личном обаянии, которое не было присуще самому Рамону в реальности?

Напротив, мы сократили число влюбленных в него женщин примерно с сорока до всего трех. Некоторые бросали мужей и детей, приходили к нему и говорили, что хотят за него замуж. В чем тут дело? Наверное, в том, что женщины чувствовали, что он не может им угрожать, что он их никогда не оскорбит. Плюс его ум, его гуманность, юмор... Остальное делали его прекрасные голубые глаза. Только подумайте: сорок женщин! Но ни одна из них не помогла ему в том, чего он хотел больше всего, — умереть.

В Венеции вы были замечены еще в одном фильме — триллере Майкла Мэнна «Соучастник», где вы сыграли работодателя Тома Круза, демонического гангстера Феликса... Эпизод, но запоминающийся.

Один съемочный день. Я называю этот опыт «зовом любопытства». Хотелось посмотреть, каков он, этот хваленый Голливуд.

И каков?

То же самое дерьмо. «Action», а потом «Cut».

В английском языке упражнялись? Может, пригодится на «Оскаре»?

Я только и делаю, что тренирую мой английский. Что до «Оскара», то мне до него нет никакого дела. А фильму это бы помогло.

газета

мачо умеет плакать

Выходец из знаменитой в Испании актерско-режиссерской династии, Хавьер Бардем (р. 1969) сыграл первые роли на ТВ еще подростком. Попробовав себя в качестве спортсмена-регбиста и художника, Бардем все же остановился на актерской профессии. Популярность на родине в начале 1990-х ему принесли жанровые фильмы — комедии и триллеры. Не желая повторяться, от роли к роли актер старается менять свой имидж. После яркой роли инвалида в фильме Педро Альмодовара «Живая плоть» (1997) к Хавьеру Бардему пришла международная слава, а за образ больного СПИДом кубинского поэта-диссидента Рейнальдо Аренаса в «Пока не наступит ночь» (2000) он получил ряд престижных наград и стал первым испанским актером, номинированным на «Оскара».